

Наверное, чем-то опасна эта свобода -- наедине с вечностью компоновать очередной номер литературного альманаха, но так уж случилось, что один из соредкторов отстранился, а другой уже покинул этот мир. В комоды же и на полках томатся нераспечатанные архивы, где-то живут и пишут неизданные творцы, а инерция ответственности когда-то взятой роли Собирателя не позволяет с освобождающим вздохом прекратить дальнейшие выпуски малоизвестного издания. Это -- судьба, от нее не отрешиваются, к тому же все это так интересно, и пусть остальной мир навсегда отвернется (что вряд ли возможно) от "провинциальной кустарщины" -- покуда Бог будет давать сил, я не оставлю ершащегося нашего детища. Быть может, где-то в истоках "Мая" и вынашивала даже в своем прозвании некий узкий, едва не "пропагандистский" смысл, да только в ограниченном субъективизме некоторых создателей -- в моем, например, -- но годы шли, себя перерастая, и смысл древнего ведического слова ширился и объемился, как и сама жизнь, и постепенно стало понятным, что название вполне и безоглядно оправдывает себя: отыщутся в альманахе различные протоки чудесной божественной Игры, проблеснет в неукротимых волнах его и вящая истина, и ее замутнение -- или обнаружится самообман некогда упоенного своею кажущейся правотой автора, рассыплется вервь из песка -- так же как вечно поют в храмах шедевров на незыблемо блаженствующих островах непреходящие тропы. И да преломятся в зеркале Искусства движения множества искренних вер! И мы никогда не скрывали стремления околдовать, обвить поверивших переливами всегранной и беспредельной музыки -- не обмануть -- очаровать, позвать за собою в игру, дерзая, что в отражения Божьей, великой и сладкой, и страшной Игры, готовясь к отождествлению...

Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что не обладаю истинно редакторской подвижностью, что смехотворно малы тиражи и нужны немалые деньги, может быть меценаты, чтобы все это стало на прочную основу -- но ведь с иной стороны, будь их и всего несколько экземпляров нашего альманаха -- лишь бы были, и когда-нибудь до тех, кому нужны, они непременно дойдут, донесут все свои достижения и не скроют неудач.

Немало воды утекло с года создания первого номера (1980), сменили вывеску власть предержавшие, окончательно и страшно,

на неумное посмешище соседям, разваливается и разворачивается великое и печальное наше государство, — поутихли и наши "майические", едва не мессианские претензии, разминулись человеческие и творческие пути многих из участников, отчетливо просматриваются недочеты и умершее предыдущих номеров, как и попросту неведомость их даже узкому кругу читателей. Но незыблемым остается одно: запечатление памяти текстов ушедших и еще живых, причастность Искусству. Постепенно пообсыпалась и неадекватная восторженность, и тенденции — если в ком и жили всерьез — вещать и поучать и, смею надеяться, отбор произведений с каждым номером все критичнее. В 4-ом (1987) Евгений Шешолин и я в 5-ом (1990-91) немного писали об истории альманаха, но так как "Майя" выпускается спонтанно и в неведомые сроки, а номер шестой для кого-то может оказаться как первым, так и последним, вкратце придется ее изложить.

Альманах "Майя" создался по замысловатому узору пути (не поскромничая) моего возвращения со второй родины на первую, из Азии в Россию (Фрунзе (Бишкек) — П с к о в — Петербург). Поступив в 1976 г. на филологический фак. Кирг. Гос. Университета, я познакомился с участниками местных литобъединений Вас. Бетехтиным, И. Бухбиндером, Ю. Богомольцем, А. Соколовым (Нестеровым) и др., которые позже стали публиковаться в альманахе, а Соколов стал одним из активных соиздателей его и соредкторов. Будучи отчисленным с 3-го курса с правом восстановления через год, но не восстановленным, — в 1979 я уехал в родные Псков к бабушке, спасаясь от призыва в армию и в расчете на восстановление в пединституте. Провалившись с неделю с книжками на кровати, я начал, что пора бы найти друзей, и так случилось, что они нашлись буквально за день — среди них узнал и Евгения Шешолина, с чьими стихами коротко успел ознакомиться до его появления и под чьим знаком выпускается этот номер, чью помощь ныне возможно ощутить лишь из transcendентного... Выяснилось, что Евгений знаком с известным по "Голосам" Слегом Охупкиным, и когда мы поехали к Олегу в Питер, идея альманаха уже жила. Олег тогда был на взлете, пламенно читал стихи и погружал нас в литературную питерскую бивальщину, мы славно выпивали в закатном Петергофе, жарили шашлыки и веселились вовсю — то было одним из драгоценнейших воспоминаний нашей с Женей юности позже всю действительную жизнь: зелень, озакаченные воины, валуны, растворяющиеся в Кронштадту... После разговора с Слегом идея альманаха окончательно оперепла в нас — была обещана поддержка Сев. Пальмиры и переброска номера за кордон. И поехал я в Азию — переговорить с прежними знакомцами и, так выпадало, прежде всего с Соколовым, как казавшимся наиболее энергичным и заинтересованным, с ним мы и приступили к сбору материалов для альманаха. Игорь Бухбиндер, когда-то изгнанный из Новосибирского ВУЗа с факультета языков за участие в самиздатовском "Голубом

экспрессе" ("школа Маковского" и, кажется, не без знакомства с В. Делоне) и сплотивший вокруг себя творческую молодежь г. Фрунзе, с опаской, но дал стихи. Ими и открывается номер первый, не без символики "глашатая поколения". Игорь Бухбиндер был одним из эрудированнейших и талантливейших людей, встреченных мною на жизненном пути, по несколько раз мы перепечатывали его стихи на наших страницах, но доступа к его архиву, в силу сложных отношений с его вдовой, я пока -- а может быть и навсегда -- не имею. Не отказались от участия и В. Бетехтин с Ю. Богомольцем. И вот, с А. Соколовым и текстами весной 1980-го мы прибыли на Псковщину, на ст. Изоча Невельского р-на, где учительствовал Е. Шешолин. Из псковского круга в номер дала стихи Татьяна Николаева (Нейник), а еще от Охупкина мы имели, кроме стихов самого Олега, стихи Б. Кузнецова и, распределив кто что будет распечатывать, приступили к работе. В мае 1980 первый номер альманаха "Майя" был готов. Числом в 6 экземпляров, один из которых, первый, Охупкин благополучно переправил А. Кузнецову в Штаты (в нем опечаток уже не исправит). Начались годы истории его и наивных наших надежд.

В те милые, юные, "застойные" годы власть предержащим независимое (тем паче апеллирующее к "врагу-Западу") творчество представлялось опасным (зарубежное радио что-то там о нас упомянуло, а Кузнецовский вроде бы опубликовал), и габистский "глазок-смотрок" прильнул с более пристальным прицелом к нашей компании. Неким "материалом" они уже обладали, так что информация первого добровольного стукача, прознавшего об альманахе, говорят, не дала им ничего нового (так он и бродит по-прежнему в городе Пскове, не принятый на службу бывший лидер и поэтэст). Итак, машина уже работала. Удивительно, право, скольким рвением нужно было обладать и за что получать денежки, если на первом допросе в Комитете по одной лишь Киргизии и странно известных подробностях жизни там я вынужден был что-нибудь отвечать на 84 (кажется) аккуратно заготовленных на машинке вопроса! Происходило это осенью 1981-го, перед свадьбой, которую они пытались расстроить, уже посадили во Фрунзе Ю. Богомольца (провокационно, за "спекуляцию", на 5 лет, которые он и отбил от звонка до звонка), хотя тот и был всегда немного как бы "со стороны", активного участия в создании "Майи" не принимал. Однако поначалу его дело вел Комитет, пытались даже "заслать" для выяснения "каналов передачи на Запад" в Питер к Охупкину, ретивые наши! Той же осенью, еще раньше меня, допрашивали во Фрунзе и А. Соколова. Никто из нас не избежал предложения сотрудничать -- вспоминаю с усмешкой, как пытел и краснел мой "куратор", не выдержавший взгляда. А у Олега Охупкина в это время был тоже весьма серьезный вираж: дело "Общины", сажали В. Пореша -- о нас его вопрошали лишь попутно.

Доучиваться мне стало как-то тесновато, а армия уже не грозила, последним же напутствием на последнем допросе было: "Еще одна информация или номер на Западе -- будете иметь бледный вид". И вернул мне "многострадальный" наш номер, что отсылался ими на "проверку" аж в Москву. То был еще номер "чистого искусства", второй же, с "опасными" вкраплениями, я им не давал. Что ж, наш с псковскими друзьями круга "Майи" "бледный вид" осуществился ими лишь в 1983 году -- провокация на тему "сопротивление властям": мне три "химии" -- и дальнейшие психиатрические приключения после побега на Восток. Одним словом, "Майя" захиревала, все материалы постепенно перешли к "а-динамичному" Соколову, как бы и ранее отодвигаемый нашим "мессианизмом" чуточку в сторону Е. Шешолин и сам несколько поостыл к предприятию, словно увидев его бесперспективность при опасности, к тому же тогда еще не теряя надежд издаваться официально. Издание третьего номера едва ли не намеренно затягивалось, покуда сидел Богомолец и посиживал я, да и не все читатели были в сборе, а к оставшимся подкрадывались неугомонные нивелировщики культуры. "Майя" превращалась почти что в миф о себе, прокрадывавшиеся и ранее, стали явными мировоззренческие расхождения участников, кто и вообще отстранился, Бухбиндер умер, -- восседая в одиночестве с текстами 3-го номера, Соколов утверждался в верности лишь своего взгляда и отбора, вдобавок еще и, как он выражается, "компилируя" в чем-то не устраивавшие его тексты -- без согласия авторов -- а когда я освободился, спор наш поднялся над пропастью разрыва, что со временем и произошло, № 3 вышел в 1986-ом, а в 4-ом (1987) Соколов уже не участвовал. Мне не хочется ничего худого сказать о нем, как человеку, поэт же он едва ли не гениальный, "Майя" обязана ему во многом и культурой печати, и пристальной корректурой, хотя опечатки все же встречаются. Но (пусть!) гениальность Соколова в человеческом плане дала крен в сторону "непогрешимости вкуса", он уверовал, что только он способен верно отбирать материалы, править их, если что не так, ни у кого не спросясь, вообще в одиночку вести альманах. Это убеждение в нем пребывает доныне вся последующая наша с Женей работа над альманахом им яростно критиковалась, а ныне мы, похоже, навсегда далеки друг от друга. Несмотря на печальные сии обстоятельства, Евгений и я издали и 4-ый, избрали из предыдущих стихи для пятого (избранного за 10 лет), который я и доводил до конца уже во мрачной тени Жениного убийства в апреле 1990 года.

Шестой номер открывают ранее не публиковавшиеся произведения Евгения Шешолина (нечто более подробно -- во вступительной статье к его подборке, кроме того в альманахе, вслед за Жениными стихами, опубликован оригинальный, проницательный и искренний трактат о его поэзии Севы Рожнятовского -- это тоже одни из украшающих, хотя это и печальная красота, страниц номера), и, даст Бог жизни, весь его величество

ный архив увидит свет на страницах дальнейших номеров и отдельной, скрупулезно отпечатанной книгой! Признаюсь, во многом, после его ухода, живу как бы по инерции — к такому изъятию из жизни оказался не готов, хотя, по-человечески, и не все бывало ровно между нами, но Великая Магия — Поэзия — всегда стирала в белом смехе наши псевдо-контры. Такой встречи в моей жизни больше не будет.

Разысканы ранее считавшиеся утерянными не публиковавшиеся нигде произведения Василия Бетехтина (см. вступительную статью к его стихам), вдобавок проходила дезинформация о его самоубийстве.

Очень радостно, что Олег Охупкин не прерывает нашего давнего сотрудничества и переслал подборку из последних стихов из книги "Лиры Пресвятой Девы". Олег по-прежнему крепко сжимает в длани древко православной хоругви, а вот что обнаружил я в архиве Е. Шешолина из подготавливавшейся им вступительной статьи к номеру пятому:

"...Строго классичная лира Охупкина связывает с поэтами России, Петербурга прошлого. Оптимистичная, чисто и твердо духовно настроенная, она бодрее многих молодых смотрит в будущее. Представляя и возглавляя, так сказать, православное крыло альманаха, она несет в себе и гимническое, византийское начало..." (К сожалению, у Евгения это были только наброски для более обстоятельного анализа).

Более широко представлены стихи Сева Рожнятовского — здесь и "барочная" "Тихая жизнь" ("Натюрморты"), и чудесные ожившие в "Праздниках" византийские фрески Псковского Мирожского монастыря, где Сева подвизался проводником и хранителем.

Наконец-то разыскали мы гениального Александра Ожиганова, он прислал новые стихи, обещал появиться и сам. Опубликовано и серьезное эссе "Эксплуатация двойника". С Ожигановым у нас давняя история. Еще со 2-го номера публиковались произведения из его блистательной и объемной книги "Стрекова", которую отдал нам в пользование из своего архива Охупкин. В номере 4-ом мы завершили ее публикацию — и вот, уже почти как чудо, он "нашелся", ответил на письмо и прислал со стихами фотографию. Лиры его ничуть не оскудела, но вобрала в себя еще более философических басов по здорово-мрачному фону одиночества.

По-прежнему неутомим и ёрник Сергей Рязанцев, сам же себя, вдобавок, украсивший графикой актер мирового театра абсурда, что горит но не сгорает.

Пройдет и "парад дебютантов" (чуть не отпечаталось "дилетантов".. Грустный лист начинавшего поэта Ивана Саввы, товарища С. Рязанцева по зоне, убитого на Украине в Первомайске при попустительстве "органов" (см. статью к его листу); опубликованы отрывки из странного

фантастичного опуса Юрия Борисова, паллиативирующего вечный дефицит прозы в "Майе"; поплещется новый знакомец — псковский поэт Андрей Щукин, а давний друг и читатель "Майи" артист и исследователь Св. Писания Игорь Чернососов завершит, быть может и не всегда стройный, парад.

Нежная и афористичная мозаика вдовы В. Бетехтина Светы Басиной провигательно разнообразит хор мужских голосов нового номера.

Она же, кстати, совершенно неожиданно, где-то отыскала последнее, пожалуй, произведение И. Бухбиндера, и оно, вкупе с автографами из публиковавшихся ранее, с посильным вступительным словом, конечно же займет свое место.

В архиве Жени Шешолина обнаружился мелодичный, игривый, переливчатый "Венок несонетов" некоего В. Смолдырева. Автор уже умер, но живы стихи (приносим извинения, если кто-нибудь уже публиковал) — они завершают альманах. В моем восприятии это один из прекраснейших гимнов Майе, Тайне Божества и Его Творчеству, Игре, пролившейся Миром — Любовью и Вечною Женственностью в нем...

По некоторым причинам не знаю, как отнесется Ю. Богомолец ныне к публикации двух своих стихотворений, но ведь давал — участвуют и его фотографии. Но наиболее насыщен номер фотографиями псковича Сергея Афанасьева, — благодарим, рассчитывая на дальнейшее со-бытие.

Трудно что либо писать о себе, не рискуя впасть, скажем, в смахивающие на самооправдание периоды. Всегда-то я более других занимал места, будучи подхвачен самоуверенности и торопливости, все-то повторялся с незначительными и значительными переделками. Это я пишу всю жизнь Одну книгу, книгу единую, как мне бы хотелось. И все еще не оставляю надежды на своего — пускай малочисленного — читателя, а Евгений Шешолин писал: "Поэта Андреева, при всей присущей лиричности, можно скорее назвать эпичным. Но это — не эпос времени, но эпос мифа. Миф поэтического мира Андреева лепится в основном из формально традиционного материала, но тонкие сложные связи, пронизывающие многие тексты, индийские и китайские реминисценции, многочисленные литературные находки делают этот мир для русской поэзии новым. Широкий диапазон творчества — от пейзажных зарисовок и чистой лирики — до мрачного постромантического визионерства и витиеватых, насыщенных, многосмысловых поэм..."

Из 2-го номера "возрождены" Новалис в переводе Н.Ф. Галкина и рассказ Наума Каплана.

Если когда-нибудь наметится материальная база и не оставит благородным участием "Московская Независимая Библиотека" и один из ее основателей Юрий Кушков, планируем возродить увеличенными тиражами предыдущие номера и обеспечить интересующихся. Ищем и другие каналы, надеясь и на чей-нибудь энтузиазм! О деньгах с издания на гонорары помышлять не приходится (свой тратим), но мечта о номерах дальнейших не умирает — давал бы Бог жизни и вдохновения! Редакция будет благодарна за отзывы читателей, критиков и — чем майя не шутит! — меце-

натов. И, разумеется, было бы интересно получать на прочтение материалы пожелавших участвовать в последующих номерах альманаха! Не возбранно присылать также графику и фотографии. Наш адрес пока прежний: 180004, Псков, Спортивная 5 - 24, Андрееву Мирославу Алексеевичу. И закончить как-нибудь поМайичней, укрепляя "структуру" цитатой из Х. Л. Борхеса: "...я не знаю, может ли музыка наскучить музыке, а мрамор устать от мрамора. Но литература -- это искусство, которое может напрогнозировать собственную немоту, выместить злобу на самой добродетели, возлюбить свою кончину и достойно проводить свои останки в последний путь" ("Суеверная этика читателя")...

...Рассказано ли это -- или только материал для рассказа, известно наверно лишь Объединителю ипостасей. Явственны несколько голосов из кристаллика преломлений -- ни мал он, ни велик, но вот: туда-то тот, куда-то сей попал, как будто бы себя он осознал -- и Путь направил. Но нет пути! -- Как? Нет пути? ...без правил. Ах, эти правила! Твои? его? свои иль не мои?! -- Застыли по немой любви, словно в Помпей шершавой лаве. Или существенней -- "литература"?.. Но преломления все же таковы, что и мудры, и правы, и даже бесконечно продолжают смущение глубин Одной Души слоистой, смеющейся по щекотке вечного жертвоания неиссякающей переполненностью Себя...

Конечно, это шутка! ...говоря о мире. Бесконечнейшая из шуток. На всем ее движении тягучем из "вдруг" являются те самые, еще в гипотетическом вчера незнакомые, или считавшиеся утерянными позже -- крамы глубочайших, изощреннейших произведений, святилища хотя бы мечты о таковых -- и время им, словно гипотеза о времени... О, величайшая, мрачнейшая из шуток! Твой смех правдив -- твой рай кому-то адом. Твоей игровой вечности курсив оставлен мне из память в странах непрочитанных, которыми, не ведая, иду, с которыми когда-то пропадаю для взора мира с теми лишь людьми, которые не знают мир, как шутку... А всевременное безвременье? Ах, кто отыщет стильный серый бантик голубки-девушки, что в высях ошарашенной плясала надо мною и роняла на череп мне седые одеяла?! Да будь я проклят, если раз еще хотя бы усомнюсь в своем бессмертном вздохе Океевом!.. О, Море! Я мечтал о тебе, как мечтают о пристальном взгляде в затылок, когда немедленно нужно обернуться, но это настолько невыразимо-страшно, что зарываешься в ладони и почти что вопишь от восторга, словно как чайка с окровавленным клювом, совсем как немая летучая рыбка, чудом вынырнувшая на мгновение из-под темно-фиолетовой волны, влекомой предшествовавшими сестрами в Неизбежность...

